

После дневного сна Сюаньсюань проснулся, полный прежней, неиссякаемой энергии. Едва разлепив глаза, он тут же заметил в центре кабинета дядю Сяо Сюя, заканчивающего сборку подарка. Это был миниатюрный мотоцикл глубокого синего цвета, точная копия взрослого байка, сверкающий хромом и обещающий невероятные приключения. Забыв обо всем на свете, мальчик бросился к игрушке и нетерпеливо взгромоздился в седло, его пухлые пальцы крепко обхватили холодный металл руля.

Лу Тинфэн присел рядом на корточки, терпеливо объясняя азы управления: здесь газ, здесь тормоз, а эта кнопка пробуждает «зверя». Сюаньсюань оказался на удивление смышленным учеником. Он сосредоточенно нахмурил бровки, кивнул и, получив сигнал отца, нажал на старт. Мотор тихо, утробно заурчал, передавая вибрацию через сиденье прямо в тело мальчика, и мотоцикл плавно тронулся с места, оставляя за собой легкий шлейф запаха нагретой резины и озона.

Поначалу траектория юного гонщика была хаотичной. Врезавшись в книжный шкаф, отчего книги испуганно дрогнули на полках, он дал резкий задний ход, снося журнальный столик, и лишь чудом избежал столкновения с кулером, который жалобно звякнул, качнувшись в сторону. Но стоило ему понять логику машины, как неловкость сменилась уверенностью. Уже через несколько минут он нарезал круги по кабинету, довольная улыбка расплылась по лицу, а в глазах плясали озорные искорки.

Лу Тинфэн же, казалось, полностью выпал из реальности: обняв Хэ Яна за талию, он прижимался щекой к его виску, вдыхая родной лавандовый аромат и нашептывая что-то на ухо, от чего по коже супруга пробежали приятные мурашки. Они стояли у окна, окутанные собственным миром тишины и нежности, пока сын носился вокруг, словно маленький ураган.

Освоив пространство кабинета, Сюаньсюань выехал в коридор, и сотрудники офиса, оторвавшись от работы, с умилением наблюдали за этим зрелищем. Малыш в стильных зеркальных очках, важно гоняющий на синем байке, стал всеобщим любимцем. Кто-то пытался приманить его печеньем, кто-то фотографировал, но мальчик был сосредоточен только на дороге, рассекая воздух с важным видом настоящего байкера.

Вечером семья предстала перед публикой в безупречных вечерних нарядах. Благотворительный аукцион встречал гостей ослепительным светом хрустальных люстр и густым ароматом белых лилий, смешанным с тонкими нотами дорогих духов и тем особым, металлическим привкусом азарта, который всегда витает там, где обращаются миллионы.

Стоило им переступить порог зала, как пространство вспыхнуло сотнями вспышек. Каскад света бил по сетчатке, оставляя фиолетовые пятна в глазах, но зеркальные очки Сюаньсюаня надежно защищали его от этого светопреставления. Появление супругов рука об руку, с ребенком между ними, стало лучшим опровержением всех слухов о разводе. Журналисты, словно гиены, почуявшие добычу, окружили их плотным кольцом, тыча в лица диктофонами, похожими на черные дула пистолетов.

— Господин Лу, господин Хэ! — выкрикнул самый наглый репортер, проталкиваясь вперед. — Ходят упорные слухи, что ваш прошлый развод был связан с Чжао Либин. Что вы скажете на

эти обвинения?

Хэ Ян не стал отвечать словами. Он медленно, с достоинством переплел пальцы с пальцами мужа, демонстрируя миру их сцепленные руки, где обручальные кольца сверкнули, как холодное оружие. «Смотрите. Вот мой ответ. Вот то, что вы никогда не сможете разрушить».

— Нужны ли еще комментарии? — тихо спросил он, и его голос, мягкий, но твердый, заставил толпу затихнуть.

В его ясных глазах не было ни тени страха или оправдания — только спокойная, всепоглощающая любовь, которая красноречивее любых пресс-релизов опровергала грязные сплетни.

Казалось бы, история с Чжао Либин, после её трагической гибели, давно должна была кануть в Лету и исчезнуть из информационного поля, но Лу Хуадун, этот грязный интриган, своими «откровениями» снова вскрыл старую, едва затянувшуюся рану и выволок на свет божий давно забытые, никому не нужные подробности, а главное — он посмел впутать в эту грязь Лу Тинфэна и Хэ Яна.

Но Хэ Ян больше не собирался молчать и терпеть — он не позволит никому, ни единой душе, безнаказанно поливать грязью его семью, перевирать факты и выдавать чёрное за белое.

Чего только о них не болтали: и что Лу Тинфэн обманом и подлостью отобрал у «бедного» Лу Хуадуну его законное место, и что сам Хэ Ян — бездушный разлучник, увёдший мужа из семьи, и даже то, что Сюаньсюань — всего лишь приёмный ребёнок, с помощью которого Хэ Ян шантажировал Лу Тинфэна, заставляя его жениться...

Слишком много грязной, лживой клеветы, и поначалу Хэ Ян лишь презрительно усмехался, читая этот бред, и не придавал ему значения. Но когда эта гнилая крыса осмелела настолько, что перешла все границы и посмела угрожать его близким, он решил: хватит.

И очень скоро все «подвиги» Лу Хуадуну, одно грязное деяние за другим, были преданы огласке и вывалены на всеобщее обозрение: наркотики, принуждение женщин, связи с триадами, подделка отчётности, заказные нападения — каждого из этих пунктов хватало, чтобы забыть о свободе навсегда.

Старший дядя, узнав обо всём, что натворил его племянник, не проронил ни слова. Он отказался от ужина и вышел в сад, где ночной воздух был уже пронзительно холодным, пахнувшим сырой землёй и увядающими хризантемами, и опустился на деревянную скамью под старым платаном, чьи ветви тянулись к звездному небу, как скрюченные пальцы старца. Огонек сигареты в его руках яростно вспыхивал, выхватывая из темноты его окаменевшее, уставшее лицо.

Лу Тинфэн как-то рассказывал Хэ Яну об их семье: все Лу были людьми старой закалки, свято

чтившими традиции и семейные узы, они превыше всего ставили верность, долг и кровное родство, и никогда, до самого последнего, крайнего предела, не поднимали руку на своих.

Старший дядя, кадровый военный, был воспитан в тех же суровых правилах, и для него, как и для всего его поколения, семья была не просто словом, а нерушимой твердыней, и пусть Лу Хуадун был никчёмным, беспутным прожигателем жизни, он всё равно оставался кровным родственником, одним из Лу. А прабабка перед смертью завещала им всем: никогда не доводить дело до крайности, не быть жестокими со своими, беречь родную кровь. Его отец следовал этому завету, он сам, Лу Юйвэнь, следовал этому завету, но теперь, в поколении Лу Тинфэна...

Хэ Ян молча поставил чашку с драгоценным чаем «Дахунпао» на столик. Пар поднимался вверх, растворяясь в темноте.

— Дядя, не вините Тинфэна, — тихо произнёс он, глядя в темноту сада. — Если искать виноватого, то это я. Именно мои доказательства отправили Хуадуну за решетку.

Лу Юйвэнь резко затушил сигарету. Он взял чашку обеими руками, согревая ладони, и сделал осторожный глоток. Терпкая горечь чая заполнила рот, смешиваясь с привкусом собственного бессилия.

— Хороший чай, — хрипло выдохнул он наконец. — Горький, но правильный.

Он повернулся к племяннику, и в его глазах мелькнула сложная гамма чувств: боль за падение рода и облегчение от того, что гнойник был вскрыт.

— А Ян, я не виню тебя. Ты поступил честно. Хуадун... он сам выбрал эту дорогу. Но мне, как старшему, трудно принять, что мы сами разрушаем семью изнутри.

— Я понимаю вашу боль, — мягко перебил его Хэ Ян. — Но есть граница. Я не трогаю тех, кто не трогает меня. Но когда пытаются уничтожить моего мужа и моего сына... — Он поднял взгляд, и в нем сталью блеснула непоколебимая решимость. — Я не буду ждать милости от небес. Я защищу свое сам.

Лу Юйвэнь внимательно посмотрел на него, и вдруг уголки его губ дрогнули в подобии улыбки.

— Хорошо, — кивнул он. — В тебе есть стержень моей матери. Ты настоящий хозяин этого дома, А Ян. Семья Лу может гордиться тобой.

Эта ночь стала переломной: Хэ Ян больше не был просто «женой знаменитости» или «актёром» — он стал опорой, силой, с которой считались, и хотя рождение наследника укрепило его статус, именно этот поступок завоевал ему подлинное уважение.

Лу Тинфэн наблюдал за преображением мужа с восхищением. В Хэ Яне проснулась аура настоящего хозяина, уверенного и мудрого. Как-то вечером, глядя, как жена разбирается с документами компании, он полушутя предложил:

— Может, бросишь кино? Станешь моим заместителем? С твоим умом компания пойдет в гору.

Хэ Ян оторвался от бумаг, лукаво прищурился и поправил воротник пиджака мужа.

— Твоих менеджеров я уже привел в чувство, и они работают как часы, — усмехнулся он. — Но моя сцена сейчас — большой экран. Зрители куда требовательнее твоих акционеров, и покорить их — вот мой настоящий вызов.

<http://bllate.org/book/16098/1613294>